

ЧЕЛОВЕК С ПЛАНЕТЫ ТЕАТР
Издательство Мало-го театра выпустило книгу Веры Максимовой «И это всё о нём», посвящённую жизни и творчеству Юрия Соломина.

Рассказ о жизни в искусстве и за его пределами щедро украшен фотографиями – фотолетописцам Малога театра удалось передать то, что не всегда доступно театроведу: крупный план роли, квинтэссенцию судьбы соломинских героев. Словом, для почитателей таланта Юрия Мефодьевича издание станет настоящим подарком.

Путеводитель по очень цельной судьбе Юрия Соломина приглашает побывать в деревянной Чите, куда возвратились несостоявшимися музыкантами родители (студенты знаменитой Ленинградской консерватории) – мама-певица частично потеряла слух, а папа-скрипач вернулся вместе с ней, чтобы не расставаться. Они вырастили троих детей: родные сыновья стали актёрами Малога театра, а удочерённая сестра – актрисой в провинции. Можно заглянуть в театральный сквер около Малога театра (Юрий Соломин больше никуда не поступал – или Малый, или ничего). Здесь старшего сына, проходящего тур за туром, ждал отец – и не заметил, как его обокрали: все деньги, обратные билеты, паспорт и – самое страшное – партийный билет. Жить в Москве было не на что, и тогда сибирский абитуриент нашёл Веру Пашенную, объяснил ей ситуацию и бухнул: «Если хотите меня брать, берите сейчас». Что-то важное увидела в тощем молодом человеке Вера Николаевна на этом внеплановом «туре», но свой главный экзамен Соломин сдал и был принят.

И куда бы потом ни забрасывала его артистическая судьба – в дальнево-

сточную тайгу или Японию на съёмки к Акире Куросаве, в Италию на операцию, по разным городам на гастроли, в Министерство культуры на должность министра, – все пути вели обратно в Малый театр.

Автор не торопится перейти к разбору ролей Юрия Соломина (его, как и всех молодых, «попридерживали» по негласному правилу Малога), а предлагает надолго задержаться в закулисе театра, посмотреть на работу стариков Малога, которые оказали огромное влияние на Юрия Мефодьевича. Он стал свидетелем не только их царственных триумфов, но и тихих слёз прощания со сценой, и благодарности за то, что театр всё ещё длится в их жизни.

А в «период накопления актёрского капитала» не гнушался никакой рабо-

ты: участвовал в концертах народных университетов, записывал шумовые эффекты на радио, вводился в небольшие роли. Свою актёрскую силу Соломин набирал постепенно. Зато потом случился Хлестаков – «серая бабочка среди пёстрых провинциальных мастодонтов», случился Кирюша Кисельников из «Пучины» Островского – «предтеча русских интеллигентов», которого Максимов называет главной ролью жизни (к слову, и главы, посвящённые «Пучине», – лучшие в этой книге), случился царь Фёдор (за десять дней, после ухода Смоктуновского, Соломин ввёлся на роль блаженно-нового монарха и сумел создать совершенно новый образ), царь Николай, Сирано, Фамусов, Мольтер. И слова, ображённые к этому персонажу, вполне подошли бы самому Соломину: «Он играет человека с планеты Театр, а потом уже всё остальное – актёра, писателя, театрального вождя».

ТРЕТИЙ ГЛАЗ РИМАСА ТУМИНАСА

Издательство «Театралис» выпустило книгу литовской актрисы и журналиста Гражины Байкштите «В саду Римаса Туминаса»

(Авто)портрет выдающегося режиссёра, сотканный из интервью и монологов литовских и московских актёров и коллег: Дайвы Шабасявичене, Эгле Габренайте, Регимантаса Адомайтиса, Инги Бурнекайте-Туминене, Фаустаса Латенаса, Адомаса Яцовскиса, Марины Неёловой, Сергея Гармаша, Галины Коноваловой, Сергея Маковецкого, Владимира Вдовиченкова, Евгения Князева, Юлии Борисовой, Юрия Шлыкова, Евгении Крегжде и других. В богатом видеоряде чёрно-белая простота быта и поэтичная гармония его театра.

Слово «сад» – одно из ключевых в мировоззрении Римаса Туминаса. Его отец бесконечно и безнадежно возде-

лывал сады: посадит деревья, дожждётся, когда они примутся, и вынужденно отправляется в путь, до того как сад принесёт первые плоды. Но, приехав на новое место, всё начинает сначала. С «Вишневого сада» и спектакля с символическим названием «Здесь не будет смерти», объехавшими полмира, начался Малый драматический театр Вильнюса. Сам Римас Туминас всё-таки сумел вырастить большой сад (его семье вернули полтора гектара земли, на которой теперь плодоносят яблони и вишни, а некоторые деревья даже пришлось вырубать – Лопахиным он почувствовал себя как раз тогда, когда ставил «Вишневый сад»). Да и в театральном смысле он дождался плодов в своих театрах-садах – и в Вильнюсе, и в Москве. Но сознание, что плоды не навеки («Пришёл в театр – чувствуй себя гостем», – подчеркивает Туминас своё пребывание в Вахтанговском театре), что сад всё равно надо возделывать, всегда и везде, передалось по наследству. В каждой строчке «Вишневого сада» Туминас находил отголоски своей семейной истории, которая переплелась с судьбой страны.

С детства будущему режиссёру пришлось работать – на подсобных работах у фермеров, киномехаником («уже тогда за публику приходилось бороться»), позже сварщиком. Однажды он со своим фильмом проиграл в конкурентной борьбе театру: в деревенский клуб приехал со спектаклем Молодёжный театр, и публика повалила туда, несмотря на музыку, которую двенадцатилетний киномеханик включил перед сеансом. Городской актёр попенял на звуки музыки – хотелось, мол, услышать первозданную тишину природы, а тут эстрада. Туминас тогда страшно обиделся, потому что понимал, как надоело слушать людям мычание коров и жужжание мух, как хочется музыки. Много позже, попав в Вахтанговский театр, он скажет: «Когда праздник вычищается до такой степени, что в

борцовских качествах Туминаса, москвичи же восхищаются мудростью и терпеливостью своего худрука: узнав о бунте некоторых актёров и попытке убрать его из театра, Туминас продолжал работать с ними и победил – ни мстью, ни жёсткой рукой, а искусством. Но и те, и другие считают, что работа с мистификатором, мудрецом и открывателем новых талантов в актёре – одно из главных событий в их жизни. «В пьесе Туминаса «Здесь не будет смерти» был только один маленький листочек, – вспоминает Эгле Габренайте. – Туминас думал-думал и написал. И принёс этот листочек на репетицию – пьесы не было. А это один из самых красивых спектаклей Туминаса! Мы создавали его из ничего. Я помню, как после премьеры Регимантас Адомайтис рыдал за кулисами: «Этот спектакль обо мне!»

Эта книга переводилась с литовского на русский. Так же мыслит и сам Туминас – думает по-литовски, переводит на русский и на стыке языков находит такие слова, которые будят воображение, фантазию, память и душу. «За синевой есть зеленоватый цвет, потом чёрный... И оттуда, из того чёрного цвета, спектр которого бесконечен, к нам идут сигналы... Там сложены наши судьбы... Туда мы и вернёмся, в ту темноту, и нам будет казаться, что там очень светло... Люди идут, опустив глаза, видят окурки, плевки, мусор. Вот так они смотрят на землю. И не глубины их интересуют, а то, что разбросано на поверхности... Подними глаза к небу! Ай, там как-то, кроме самолета, ничего не увидишь... Так считай звезды, воображай! Может, найдёшь там и жизнь, и свою историю, может, найдёшь там искренность – то ли на звезде, то ли на земле, – и сам эту связь почувствуешь!»

A MAN FROM PLANET THEATRE
The Maly Theatre Publishing House released a book by Vera Maksimova titled “And All of It Is About Him”, dedicated to the life and works of Yuri Solomin.

The story of life both in art and beyond is lavished with photographs – Maly Theatre’s photo chroniclers managed to convey something that is not always accessible to theatre experts: a close-up of a role, the quintessence of Solomin’s characters’ destiny. In other words, this publication would be a true present for the admirers of Yuri Mefodievich’s talent.

This guide to Yuri Solomin’s very integral destiny invites readers to visit the wooden city of Chita, where his parents (students of the famous St Petersburg Conservatory) returned as failed musicians – his mother, the singer, had partially lost her hearing, and his father, the violinist, came back with her, so they could stay together. They raised three children: their biological sons became Maly Theatre actors, while their adopted daughter became an actress in the provinces. Readers can peek into a theatre public garden located next to the Maly Theatre (Yuri Solomin didn’t apply anywhere else – it was either Maly or nothing). Here the father was waiting for his oldest son, who went through one round of examinations after another, and didn’t notice it when somebody robbed him: all of his money, his return tickets, his passport, and – worst of all – his party card. He had no money to stay in Moscow, and so this prospective student from Siberia found Vera

Pashennaya, explained the situation to her and blurted out: “If you want to accept me, accept me now.” Vera Nikolaevna saw something important in that skinny young man during that unscheduled “round”, but Solomin passed his most important examination and was accepted.

And no matter where his artistic fate took him afterwards – to the Far Eastern taiga or to Japan to film a movie with Akira Kurosawa, to Italy for an operation, to various cities on guest tours, to the Ministry of Culture for the position of the minister – every one of his paths led back to the Maly Theatre.

The author is in no hurry to move on to the analysis of Yuri Solomin’s roles (like all the other young actors he was “held back”, in accordance with the Maly Theatre’s unspoken rule), offering instead to linger for some time in theatre backstage, to watch the work of the Maly Theatre’s elders, who had a great influence on Yuri Mefodievich. He became witness of not only their regal triumphs, but also of the quiet tears of farewell to the stage and gratitude for still having theatre in their lives.

And during the time when he was accumulating his “actor’s capital” he didn’t shun any type of work: he participated in public university concerts, recorded noise effects on the radio, took on bit parts. Solomin gained his acting strength bit by bit. But then Khlestakov came along – “a grey butterfly amid the motley-colored provincial mastodons”, then came Kiryusha Kiselnikov from Ostrovsky’s “Abyss” – “a forerunner of Russian intelligentsia” that Maksimova calls life’s most important role (incidentally, chapters dedicated to “Abyss” happen to be the best ones in this book), came roles such as tsar Fyodor (within a period of ten days after Smoktunovsky’s departure, Solomin managed to come into the role of the feeble-minded monarch and create an entirely new image), tsar Nicholas, Cyrano, Famusov, Moliere. And the words addressed to this character would have fit Solomin himself quite well: “He plays a man from planet Theatre first, and only then does he play everything else – an actor, a writer, a theatre chief.”

RIMAS TUMINAS'S THIRD EYE

Teatralis Publishing House released a book by Lithuanian actress and journalist Gražina Baikštytė titled “In Rimas Tuminas’s Garden” (self)portrait of a prominent director, woven from the various interviews and monologues by Lithuanian and Moscow actors and colleagues: Daiva Sabaseviciene, Egle Gabrenaite, Regimantas Adomaitis, Inga Burnekaite-Tuminiene, Faustas Latėnas, Adomas Yatšovskis, Marina Neyolova, Sergei Garmash, Galina Konovalova, Sergei Makovetsky, Vladimir Vdovichenkov, Yevgeny Knyazev, Yulia Borisova, Yuri Shlykov, Yevgenia Kregzde, and others. A rich video sequence shows the black and white simplicity of the everyday life and the poetic harmony of his theatre.

“Garden” is one of key words in Rimas Tuminas’s worldview. His father was constantly and hopelessly tilling gardens: he would plant trees, wait until they take root, and be forced to move on before the garden had a chance to yield its first fruits. Yet, as soon as he reached his new destination, he would start everything anew. The Maly Drama Theatre of Vilnius began with “The Cherry Orchard” and another production with a symbolic title of “Here Shall Be No Death” that have toured halfway around the world. Rimas Tuminas himself did manage to grow a large garden (his family was given back one and a half hectares of land that now has fruit bearing apple and cherry trees; he even had to chop some trees down – it was just when he was staging “The Cherry Orchard” that he felt like Lopakhin). He also got to see fruits of his labor in theatrical sense in his theatre gardens in both Vilnius and Moscow. Yet he inherited that sense that these fruits are not forever (“You’ve come to the theatre – don’t forget that you’re a guest,” stresses Tuminas with regards to his time at the Vakhtangov Theatre), that you have to till the garden anyway, at all times and in all places. Tuminas found echoes of his family’s history in every line of “The Cherry Orchard”, a history that had become intertwined with the fate of the country.

Even as a child the future director was forced to work – doing menial work for farmers, as a projectionist (“had to fight for the audience even then”), and later as a welder. One day he and his movie lost in a competition to a theatre: a Youth Theatre came to their village clubhouse, and the audience rushed there to watch the new production, despite the music that the twelve-year-old projectionist put on before the screening. A city actor blamed the sounds of music, saying that they wanted to experience the pristine quiet of nature, and here he was with popular music. Tuminas was terribly hurt by that, because he understood how much people were tired of listening to the mooing of cows and the buzzing of flies, how much they wanted to hear real music. Much later when he came to the Vakhtangov Theatre, he would say, “When a celebration is cleaned out to the point where no problems or sadness are left in it, then it becomes a celebration for the sake of a celebration – and that’s what they lived on. And now they understood that a celebration emerges through misfortunes.” He is not interested in light for the sake of light, but, rather, in light that one could reach by getting out of the darkness. “It is vital for me to have a dialogue, a conversation with the so-called third eye. It is not a partner or a spectator. What I need is for an actor to speak, to exist. To exude his energy and be fueled by HIS energy.”

In speaking first with Lithuanian actors of the Maly Drama Theatre of Vilnius and then with Moscow actors of the Vakhtangov Theatre, Ms Baikštytė was able to document the way the director’s character was changing. The orphaned “little ones”^{*} (that was the nickname for actors of the Vilnius Maly Theatre) vie with each other in telling about Tuminas’s fighting qualities, while the Muscovites admire their artistic director’s wisdom and patience: when Tuminas found out about a mutiny on the part of some of the actors and an attempt to remove him from the theatre, he continued to work with them and won – not with the help of vengeance, or a firm hand, but with the help of art. Yet both believe that the op-

portunity to work with this mystifier, sage and discoverer of new talents in an actor has been one of the most important events in their lives. “Tuminas’s play ‘Here Shall Be No Death’ had only one little piece of paper,” recalls Egle Gabrenaite. “Tuminas thought and thought about it, and then he wrote this down. And he brought that piece of paper to a rehearsal – there was no play. And it is one of Tuminas’s most beautiful productions! We created it out of nothing. I remember after the premiere Regimantas Adomaitis was crying backstage, saying, ‘This play is about me!’”

This book was translated from Lithuanian into Russian. Tuminas himself operates in the same manner – he thinks in Lithuanian, translates into Russian and at the confluence of the two languages he finds words that stir imagination, fantasy, memory, and soul. “Behind the blue

there is greenish light, then black... And it is from there, from that black light, whose spectrum is endless, that signals come to us... That is where our destinies have been formed... And that is where we shall return, into that darkness, and to us that place will seem very bright... People walk around with their eyes cast down, they see cigarette butts, spit, trash. That is how they look at the ground. They are not interested in the depths, only in what is strewn about on the surface... Raise your gaze to the sky! Oh, that place is just, you can’t see anything there except for, maybe, an airplane... So count the stars, use your imagination! Maybe you’ll find your life there, and your history, maybe you’ll find sincerity there – either on a star, or on the ground – and you will feel that connection yourself!”

* The word “maly” means “little” in Russian

